

С. О. ШМИДТ

О Послании Ивана Грозного в Кирилло-Белозерский монастырь (постановка вопроса)

Послание 1573 г. давно уже признано выдающимся памятником публицистики и литературного языка. Сочинение это включили в академическое издание «Посланий Ивана Грозного», вышедшее под редакцией В. П. Адриановой-Перетц.¹ Д. С. Лихачев, подготовивший к печати Послание,² составил и археографический обзор его списков. Таким образом, исследователи получили возможность всестороннего его изучения.

В плане общественно-политической истории обычно подчеркивали противобоярскую направленность Послания. Возможно, это объясняется тем обстоятельством, что Послание более привлекало внимание литературоведов и филологов, нежели историков. Вполне естественно, что специалистов в области истории литературы и языка прежде всего интересовал авторский текст Грозного, а именно обличительные выпады против постриженников-бояр признавались характерными образцами литературного стиля Грозного-писателя. Для историка же при изучении Послания не меньшее значение, чем текст самого Грозного, имеют цитаты из сочинений других авторов, приводимые царем в обоснование своих взглядов и призванные подчеркнуть основную тенденцию Послания. Исследование текста Послания в целом позволяет изучать его и как свидетельство борьбы царя с монастырскими правами и привилегиями, и как памятник церковно-религиозных представлений Грозного. Обратить внимание на это и является задачей сообщения.

Вопросы монастырского общежития всегда волновали Грозного. Острый наблюдатель, он хорошо запоминал бытовые приметы образа жизни того или иного монастыря. Это отражено и в Послании, где переданы впечатления о различных монастырях, о том, как принимали там царя и его свиту, каков был монашеский обиход. Задумывался Грозный над этим, конечно, и тогда, когда пытался организовать свою опричнину наподобие некоего монашеского ордена (что, впрочем, не помешало опричнине быть в какой-то степени и предтечей петровского «Всешутейшаго собора») и когда ставил перед собой вопрос о возможности пострижения.

Понятно, что в своей критике монастырских обычаев и в формулировках советов монахам Грозный более сдержан, чем в обличении бояр. Более того, он предпочитает использовать с этой целью сочинения церковных

¹ Послания Ивана Грозного. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1951 (серия «Литературные памятники»), стр. 162—193 (в дальнейшем все цитаты из Послания приводятся по этому изданию; страницы указываются в тексте в скобках).

² В том же году Послание опубликовано Д. С. Лихачевым и в VIII томе ТОДРА (М.—Л., 1951, стр. 247—286).

писателей, причем такие, которые близки ему не только основной своей направленностью, но и стилистически. Потому-то Послание, столь обильно насыщенное цитатами, воспринимается все-таки как стилистически единое литературное произведение.

Пытаясь представить идеал монашеской жизни, далекой от мирских интересов, Грозный ищет поддержки церковных авторитетов. И не случайно, конечно, Послание изобилует цитатами именно из сочинений Илариона — теоретика раннесредневекового аскетизма. Страстные филиппики Илариона обличают отступления монастырей от строгих правил иночества, стремление монахов походить на «мирских домодержцев» (стр. 183), участвовать в активной политической деятельности: «Мирскому бо подобает мирская строити, а иноку иноческий путь правити . . . Хульно же и проклято, еже видети мниха, сан в мире приемлюща и мирская строящу, и богатство беруща . . . А ныне видим вы, и старыя и младыя, яко кождо вас власти от царя и от вельможь ищите, от бояр же имения, от убогих же чести и поклонения» (стр. 185). Взглядам Грозного соответствовали и наблюдения Илариона над отношением современных ему монахов к апостольским заветам: «Имяны их любим зватися, жития же их не подражаем» (стр. 188).

Едва ли не знакомство с сочинением Илариона укрепило Грозного в мысли обратиться с учительным посланием в монастырь, основатель которого, по преданию, тоже склонен был к аскетизму. Первоначально Грозный собирался по традиции опереться на сочинение Василия, но, «разгнув книгу, обретох» послание Илариона, увидел, что оно «зело к нынешнему времени ключаемо», и счел это за «божие некое повеление . . . и сего ради дерзнух писати» (стр. 166).³ Цитатничество (если дозволено применительно к писателю далекого прошлого употреблять это современное слово) вообще характерно для средневекового мышления, это типичный прием доказательства в сочинениях той эпохи.

Грозный отнюдь не склонен, однако, ограничиться давними примерами раннехристианского благочестия. Напротив, он настойчиво старается показать, что подлинное благочестие присуще было и русским монастырям: «Ведь по всем монастырем сперва начальники устави крепкое житие, да опосле их разорили любострастием»⁴ (стр. 173). Попытки «постническое житие искоренити» (стр. 176) он рассматривает как «чюдотворцеву преданию преступление» (стр. 172), прибегает даже к такому сильному сравнению: «Христос распинаем — чюдотворцево предание преобидимо» (стр. 168) — и напоминает о прославленных основателях монастырей, которые «не гонялися за бояры, да бояре за ними гонялися, и обители их распространялися» (стр. 180).

Повинны в «любострастии» прежде всего бояре-постриженники, внесшие мирские обычаи в монастырь и дух неравенства в обиход монахов. В таких монастырях остались «точию одеянием иноцы, а мирская все совершается» (стр. 173). «Шереметева устав» противопоставляется «Кирилову уставу»: «да помалу, помалу весь обиход монастырской крепостной испразднится и будут все обычаи мирския» (стр. 172).

³ Грозный ссылается, однако, и на сочинение Василия (стр. 180), отождествляя, видимо, Василия Амасийского с Василием Великим. Любопытно, что и Курбский особенно высоко ценил «Постническую книгу» Василия. Курбский беседовал о ней с еретиком Артемием, прославляя Феодорита за то, что тот, став архимандритом, монахов «уздает и востязает страхом Божиим, наказующе по великому Василиеву уставу жителствовати» (РИБ, т. XXXI, 1914, стлб. 334, 415—418).

⁴ И Курбский упомянул о «жестоком и святом жительстве» кирилловских «святых мужей» (РИБ, т. XXXI, стлб. 325) Он же писал и о «любострастном мнишеском роде» (там же, стлб. 338).

Основой монастырского общежития должно быть равенство: «Ведь коли ровно, ино то и братство, а коли не ровно, которому братству быти? — ино то иноческаго жития нет» (стр. 180).⁵ При этом, вспоминая годы своей юности, Грозный ссылается на обычаи монастырей, где «равенство и по се время держалося — холопом и бояром и мужиком торговым» (стр. 179). Неравенство перед богом, так же как и неравенство в среде монахов, по словам Грозного, чуждо христианству — «то Махметова прелесть... Ино то по тому же быти в царствии небесном: кто здесе богат и велик, тот и там богат и велик будет? ... Ино то ли путь спасения, что в черньцех боярин боярства не състрижет, а холоп холопства не избудет? Да како апостолово слово: „несть еллин и скиф, раб и свобод: вси едино есте о Христе“? Да како едино, коли боярин по старому боярин, а холоп по старому холоп? А Павел како Анисима Филимону братом нарече, его существеннаго раба?» (стр. 179). Указывает Грозный и на то, что на страшном суде судьями царей окажутся праведники — рыболовы и поселяне (стр. 180).

Конкретная и очень узкая социально-политическая направленность этих сентенций ясна. В то же время они восходят к общему комплексу христианских представлений, что допускает возможность сближения позиции Грозного с так называемой еретической литературой. Это могло бы послужить предостережением для исследователей, склонных на основании подобного типа цитат делать подчас ответственные выводы о реформационных взглядах русских мыслителей XVI в. В высказываниях этих заметно и воздействие нестяжательской мысли (возможно, даже и обсуждения вопросов церковной жизни в пору подготовки Стоглавого собора), что лишний раз свидетельствует об условности резких разграничительных линий между нестяжательством и иосифлянством в воззрениях и в политической практике государственных деятелей.

Грозный подчеркивает, что писал Послание «иноческаго для жития» (стр. 192), «монастырьскаго для безчиния» (стр. 178), «монастырьскаго для чину и слабости» (стр. 177). Нарочитое старание отвести мысль, будто гнев на бояр-постриженников был поводом к составлению Послания (см. стр. 177, 178, 179, 190), кажется, конечно, подозрительным, тем более что хорошо известны факты преследования Грозным придворных и после того, как они приняли монашеское обличье. Да и из Послания видно, что царь опасался, как бы монастырь не стал местом боярского заговора (не случайно он настаивал, чтобы богатый постриженник «только бы ел один, а сходов бы да пиров не было», — стр. 191).

Послание действительно «в значительной степени, — как полагает Я. С. Лурье, — направлено против превращения монастырей в боярских вассалов или в замаскированные боярские вотчины» (стр. 480). Но политическая тенденция Послания отнюдь не сводилась только к этому. Грозный опасался и своеволия церковников, и их слишком действенного участия в политической жизни. Мысль о всевластии Сильвестра не покидала царя: он писал об этом и в середине 1560-х годов (первое послание Курбскому), и в последние годы жизни (второе послание Курбскому, приписки к лицевым летописям⁶). Встречаем имя Сильвестра и в рассматриваемом

⁵ Интересен в этой связи пример буквальности мышления Грозного, что вообще свойственно было людям средневековья. Он полагал, что большой вклад в монастырь, более пышное поминовение обеспечат большее благополучие и на том свете (см. замечание о церкви, поставленной Воротынскому, — стр. 173), и не желал, чтоб бояре оказались там в более благоприятном положении.

⁶ С. О. Шмидт. Когда и почему редактировались лицевые летописи времени Ивана Грозного. — Советские архивы, 1966, № 1 и 2.

Послании: «Другой на вас Селивестр наскочил, а однако его семьи» (стр. 173). (Не следует забывать, что опального Сильвестра сослали именно в Кириллове монастырь).

Исследователями (в недавнее время С. М. Каштановым и В. И. Ко-рецким) выявлено немало фактов противомонастырской политики правительства сразу же после отмены опричнины. Указом 9 октября 1572 г. были запрещены земельные вклады в крупные монастыри. В 1572 г. и особенно в 1573 г. резко уменьшилось число земельных приобретений монастырей.⁷ В Кириллове монастыре с конца 1572 г. резко уменьшилась и сумма денежных вкладов.⁸ Характерно, что в 1572—1574 гг. несомненны прежде всего признаки опалы монастырей, бывших основными духовными вотчинниками опричнины, куда опричники особенно охотно давали вклады. Это как раз те монастыри, о которых с таким негодованием написано в Послании, — Троице-Сергиев, Симонов, Чудов. Именно этим монастырям (так же как и Кирилло-Белозерскому), по наблюдениям С. М. Каштанова, прекратилась выдача иммунитетных грамот. В 1573 г. (по некоторым сведениям) казнили чудовского архимандрита. Еще ранее стал опальным бывший архимандрит Левкий, сыгравший зловещую роль при учреждении опричнины.⁹ Примерно в это время завели и судебные дела против симоновского архимандрита, а также и против Иосифо-Волоколамского монастыря, причем главным действующим лицом выступал такой царский приближенный, как А. Щелкалов.¹⁰ Согласно сообщению Горсея, подтверждаемому и русскими источниками, в середине 1570-х годов царь предложил монастырям представить ему «вернейший и точный инвентарь всех сокровищ и годового дохода»,¹¹ с чем можно связать последовавшие затем казни и преследования церковных деятелей.

Все это позволяет рассматривать Послание и в связи с системой репрессий, последовавших за отменой опричнины, и как свидетельство возобновившейся борьбы Ивана Грозного с монастырскими правами и привилегиями, завершившейся постановлениями соборов начала 1580-х годов.

⁷ С. Б. Веселовский. Монастырское землевладение в Московской Руси во второй половине XVI в. — ИЗ, т. 10, М., 1941, диаграмма на стр. 101.

⁸ Н. Никольский. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до II четверти XVII века, т. I, вып. II. СПб., 1910, стр. 198.

⁹ О Левкии см.: В. Б. Кобрин. Две жалованные грамоты Чудову монастырю (XVI в.). — Записки Отдела рукописей Гос. библиотеки им. В. И. Ленина, вып. 25, М., 1962, стр. 301. Фраза Послания о Левкии (Послания Ивана Грозного, стр. 173) переведена неточно (там же, стр. 357) и соответственно неправильно интерпретирована В. Б. Кобриным (Две жалованные грамоты... стр. 299—300): слово «остася», замененное в издании словом «отстоя» (Послания Ивана Грозного, стр. 581), можно понимать как «осталось» («мало что осталось»).

¹⁰ В Архиве эти документы находились в одном ящике с документами об опале новгородского архиепископа Пимена (Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. Подг. к печати Л. В. Черепнин. М.—Л., 1950, стр. 483).

¹¹ Дж. Горсей. Записки о Московии XVI века. СПб., 1909, стр. 36.